

— Маленький папа! — Лоу Синхуань холодно прервал его, выпрямился и снова обнял его за шею. — Не упоминай других.

Лоу Бинъюнь с отвращением оттолкнул его голову:

— Отойди, ты слишком горячий. Пойди, порежь мне арбуз.

Лоу Синхуань редко ему перечил:

— Нет. Маленький папа, дай мне сначала обнять тебя.

Он чувствовал, что вот-вот взорвется. И эмоционально, и физически.

— Хочу холодный.

Через некоторое время Лоу Синхуань отпустил его:

— Сейчас пойду порежу.

...

Вечером, когда Лоу Синхуань собирался отправиться во Двор Люйшуан, проходя по длинному коридору, он вдруг остановился.

Слуга позади спросил:

— Молодой господин?

Взгляд Лоу Синхуана был холоден.

Две служанки разговаривали за искусственной горой. Одна из них показалась знакомой, она вырывала траву и жаловалась:

— Раньше, когда я служила у второй супруги, меня уважали, а теперь нас всех гонят на черную работу.

Другая сказала:

— Точно. Одни возвышаются, а другие страдают. Люди наложницы Мэй теперь могут ходить по нам!

— С тех пор, как в доме появилась законная супруга, нам стало все хуже. Кто же знал, что она родится в такой семье... Но, думаю, этот третий молодой господин тоже не промах. Два тигра не уживутся на одной горе, рано или поздно они сойдутся в схватке.

— Неужели? Мне кажется, третий молодой господин очень почтителен к господину Лу.

— Что ты понимаешь? Если бы он не был хитрым, как бы он смог пройти путь от сына наложницы до законнорожденного сына?

— В этом доме кто не хитер? — служанка хихикнула. — Скажи, я красивая? Третий молодой господин мог бы обратить на меня внимание?

— Не дури, ты уже старая. Думаю, когда третий молодой господин наберет силу, он, возможно,

выгонит супругу из дома...

Лицо Лоу Синхуана становилось все холоднее.

Слуга, видя, что дело плохо, резко крикнул:

— Наглецы! Что вы болтаете!

Те, обернувшись, сразу же упали на колени:

— Третий молодой господин, пощадите!

— Вырвите им языки, чтобы мой маленький папа этого не видел.

Лоу Синхуань ушел.

Дойдя до двора, на его лице уже не было и следа эмоций, он постучал в дверь:

— Маленький папа.

Чжишань открыл дверь, внутри витал густой запах лекарственных трав.

— Третий молодой господин.

Лоу Синхуань кивнул, вошел и увидел Лу Бинъюня, готовящего лекарства. На столе в беспорядке лежали медицинские книги.

Лоу Бинъюнь как раз закончил:

— Что случилось?

— Театральная труппа, которую любит маленький папа, поставила новый спектакль. Хочешь пойти посмотреть?

Лоу Бинъюнь планировал уехать после Праздника середины осени.

Чжишань молча собирал его вещи. Все эти годы он молча наблюдал, как молодой господин делает вещи, которые трудно понять обычному человеку, например, отправляет людей в Царство Янь, чтобы найти следы человека, с которым они никогда не встречались, или бросает спокойную жизнь в Чанпине, чтобы отправиться в далекое и холодное место.

Он не знал, что задумал молодой господин, просто спокойно выполнял его указания.

Но по мере приближения времени отъезда Чжишань начал немного волноваться.

Расставляя белые фарфоровые банки с лекарствами, он с грустью сказал:

— Молодой господин, а что, если господин и госпожа будут скучать по тебе? Старшего молодого господина нет, и тебя тоже не будет, как же они будут одиноки?

Лоу Бинъюнь, внимательно приготовив мазь, наконец поднял голову и удивился:

— Ты что-то не так понял о любви моих родителей?

— ... Давно не возвращались, я уже почти забыл.

Отец Лу, еще до того как стал маркизом, женился на матери Лу, и у них родился старший сын. Генерал и красавица — это была история, широко известная в Чанпине.

Но позже вскрылся факт о связи отца Лу с матерью Лу Цинмина, что вызвало небольшую трещину в их отношениях.

Много лет назад, еще до их знакомства, отец Лу спас девушку из Царства Янь, пожалел ее и взял в дом служанкой. Позже отец и мать Лу поженились, у них родился ребенок, и девушка ушла. Внезапно однажды отец Лу принес младенца, выглядевшего виноватым.

Что сделано, то сделано, а мать Лу была очень мягкой по характеру, она не могла винить невинного ребенка и согласилась оставить Лу Цинмина.

Она сказала Лу Бинъюню, что это его младший брат. Лу Бинъюнь в детстве был неразумным и поверил словам матери, хорошо относился к младшему брату, хотя всегда не понимал, почему другие не признавали его младшим братом.

Теперь, оглядываясь назад, происхождение Лу Цинмина казалось крайне подозрительным.

Свечи мерцали, освещая аптеку, где витал легкий аромат.

За дверью раздался голос Лоу Синхуана:

— Маленький папа.

Чжишань открыл дверь.

Лоу Бинъюнь отвлекся от мыслей, встал и потянулся.

Лоу Синхуань на мгновение задержал взгляд, затем отвел глаза и спокойно сказал:

— Театральная труппа, которую любит маленький папа, поставила новый спектакль. Хочешь пойти посмотреть?

— Пойдем, — Лоу Бинъюнь кивнул.

Вечерние огни, мосты и переулки, улицы, наполненные ароматными экипажами, смех и шелест шелковых одежд. Театры и увеселительные заведения, окна, украшенные цветами и бамбуком, места, где торгуют жемчугом, шелком и лекарствами, всевозможные изысканные вина — все это было прекрасно.

— Скоро Праздник середины осени, — сказал Лоу Синхуань.

Никто не ответил.

Лоу Синхуань обернулся и увидел, что Лу Бинъюнь стоит у небольшого лотка и, указывая пальцем, говорит:

— Это, это, и это тоже.

Старик, упаковывая, радостно улыбался:

— Молодой господин, у вас отличный вкус. В Чанпине мои засахаренные цветы, мармелад и ледяные шарики считаются лучшими и самыми популярными.

Чжишань взял веревку и заплатил серебром.

Лоу Бинъюнь, закончив, ушел, жуя мармелад, его глаза сияли от сладкого вкуса. Лоу Синхуань опустил взгляд, коснувшись его красных и красивых губ, затем резко отвел глаза, его кадык дрогнул.

Он понял, что действительно сошел с ума, и чем дальше, тем глубже, не желая выходить из этого состояния.

Лоу Бинъюнь ничего не замечал:

— Будешь?

Лоу Синхуань сжал губы:

— Маленький папа, в прошлый раз у тебя болел живот.

У Лу Бинъюня был изысканный вкус, и его организм был очень чувствительным, он мог почувствовать недомогание даже от небольшого количества уличной еды. Но когда он находил что-то, что ему нравилось, он не мог устоять.

Юноша нахмурился, выглядел очень серьезно, словно поучая старшего брата.

Лоу Бинъюнь, держа во рту палочку от мармелада, моргнул.

Он был невероятно красив, и, когда его глаза сверкали, они напоминали чистый нефрит. Люди на улице невольно задерживали на нем взгляд.

Оба они были одеты в роскошные одежды, один яркий и привлекательный, другой красивый и холодный, на первый взгляд они походили на братьев.

В толпе, казалось, был особенно холодный взгляд. Лу Бинъюнь оглянулся, но не нашел никого, и повернулся обратно.

Перед ним был все тот же подросток, но Лу Бинъюнь считал, что должен признать свой возраст, ведь в его сердце он был на поколение старше Лоу Синхуана.

Он невнятно сказал:

— Я же не часто это ем.

Лоу Синхуань не хотел лишать его удовольствия, конечно, учитывая его нынешнее состояние, он не осмелился бы перечить своему маленькому папе, он мог только нахмуриться и уговаривать, с ноткой заботы:

— Но если ты купишь так много, это плохо для здоровья.

Лоу Бинъюнь подумал, что сын очень надоедливый:

— Ты врач или я врач?

— ...

Придя в театр, они увидели, что спектакль уже начался, и отправились в лучшую ложу.

Лоу Бинъюнь действительно устал в последнее время, и через некоторое время его веки начали опускаться.

Лоу Синхуань, только что закончив дела, вошел и увидел его в таком состоянии, его сердце смягчилось, и он тихо попросил принести тонкое одеяло, аккуратно укрыв его.

Все эти дни только сейчас он смог немного расслабиться.

Лоу Бинъюнь повернулся на бок, его тонкая талия выделялась, белые руки обнимали одеяло, он выглядел очень послушным.

Лоу Синхуань улыбнулся, погладил его волосы и задумчиво смотрел на него.

Внезапно зазвучала печальная музыка, тяжелая и торжественная.

Лоу Бинъюнь открыл глаза и сел, чтобы посмотреть.

На сцене внизу актриса в театральном костюме была очаровательна, ее глаза были полны слез, голос дрожал:

Глядя на алое, вижу зеленое, мысли путаются, измученный и разбитый, вспоминая тебя. Не верю, что так долго плакал, открой сундук и найди гранатовую юбку.

Напротив император держал ее за руку, их глаза встретились, полны слез. Актриса долго была в разлуке с ним и сочинила мелодию, полную тоски.

Музыка была прекрасна, актеры играли мастерски, некоторые девушки уже вытирали слезы платками.

— О чем это? — Лу Бинъюнь зевнул.

Юноша без эмоций ответил:

— Я только что слышал, как распорядитель сказал, что это история любви двух императоров и одной наложницы.

Лоу Бинъюнь почувствовал запах дешевой сенсации.

Главная героиня была наложницей старшего императора, но после его смерти младший император, его сын, влюбился в нее и взял ее в свой дворец как императрицу.

— ... — Лу Бинъюнь сказал. — Ты когда-нибудь трогал мужскую грудь? Она такая же плоская, как твоя история.

— ...

<http://bllate.org/book/16424/1488576>